

Т. Н. Джаксон
Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия.
Tatjana.Jackson@gmail.com

О «РОМАНИЧЕСКИХ ПЕРЕЖИВАНИЯХ» В САГАХ: ОЛАВ ХАРАЛЬДССОН — «ТОМЯЩИЙСЯ ОТ ЛЮБВИ СКАЛЬД» ИЛИ ОСКОРБЛЕННЫЙ КОНУНГ?

В свете неявной, но очевидной читателю дискуссии между М. И. Стеблин-Каменским и А. Я. Гуревичем относительно неотражения/отражения в сагах «романических чувств/переживаний» в статье рассматривается реакция норвежского конунга Олава Харальдссона на разрыв помолвки с Ингигерд, дочерью шведского конунга Олава Эйрикссона, нашедшая отражение в целом ряде саг и других памятников древнескандинавской письменности и весьма противоречиво трактуемая исследователями.

Ключевые слова: исландские саги, любовь в сагах, Олав Харальдссон, Олав Эйрикссон, Ингигерд, Астрид.

Tatjana N. Jackson
Institute of World History, RAS, Moscow, Russia.
Tatjana.Jackson@gmail.com

‘Romantic feelings’ in the sagas. Óláfr Haraldsson, a ‘lovesick skald’ or an offended king?

In the light of the implicit, though obvious to the reader, discussion between M.I. Steblin-Kamenskij and A.Ya. Gurevich regarding the non-reflection/reflection of ‘romantic feelings/experiences’ in the sagas, the paper discusses the reaction of the Norwegian king Olav Haraldsson to the break of his engagement with Ingigerd, the daughter of the Swedish king Olav Eiriksson, that is reflected in a number of sagas and other Old Norse-Icelandic sources and has contradicting interpretations in scholarly literature.

Keywords: Old Icelandic sagas, love in the sagas, Óláfr Haraldsson, Óláfr Eiriksson, Ingigerðr, Ástríðr

Книгу «Эдда и сага», вышедшую в 1979 г., А. Я. Гуревич посвятил слушателям лекций, читанных им на филологическом факультете МГУ начиная с 1975 г. В ней он избрал стиль лекционного изложения хорошо осмысленного им самим материала, отказавшись в значительной мере от ссылок на чужие работы, хотя его книга и не была лишена дискуссионности.

Безличными оборотами типа «при этом исходят из предпосылки, что...» уже в предисловии к книге или разбросанными по тексту отсылками вроде «по мнению отдельных/некоторых исследователей», «как полагают» и проч. А. Я. нередко заменял название имен тех исследователей, с чьим мнением он не был согласен и вступал в спор. Мне довелось посещать те лекции, и у меня осталось в памяти, что А. Я. говорил однажды о различной трактовке любви в сагах им самим и М. И. Стеблин-Каменским. Обратившись к книге, я обнаружила в ней такое утверждение: «Полагают, что “романические переживания” в сагах не казались чем-то достойным изображения» (Gurevich 1979: 135). Читателю, знакомому с трудами М. И. Стеблин-Каменского, не составит труда понять, с кем в данном случае ведет дискуссию А. Я. Гуревич.

Действительно, в «Мире саги» у М. И. Стеблин-Каменского имеется такая фраза: «романические переживания не только не казались чем-то достойным изображения, но не было и подходящих слов, которыми можно было бы их описать» (Steblin-Kamenskij 1971: 72). Однако речь у М. И. идет не столько об отсутствии у древних исландцев соответствующей лексики, сколько о специфике жанра саги. Его сравнение изображения любви в сагах и современных романах помогает читателю осознать, что «в сагах переживания... сами по себе не были объектом изображения»; «объектом изображения в сагах были всегда те или иные события», а переживания описывались в саге только если без них нельзя было изложить эти события. На примере «Саги о людях из Лососьей Долины», где любовь Гудрун к Кьяртану совершенно очевидна, М. И. демонстрирует, что там «не говорится прямо о ее переживаниях, и те ее слова или действия, в которых проявляется ее чувство к Кьяртану, сообщаются лишь постольку, поскольку это необходимо для понимания хода событий в распре». Более того, за различными словами и поступками Гудрун могло скрываться разное: ее «любовь к Кьяртану, ненависть к нему, чувство гордости, оскорбленное женское самолюбие, страсть к украшениям (...), ненависть к сопернице, жажда мести или все эти чувства вместе». В результате, по мнению М. И., изображение переживаний в сагах всегда представляло собой «лишь побочный продукт изображения чего-то другого». «Даже когда то, что сообщается в саге, нельзя истолковать иначе, как проявление романтического чувства, сознательный объект изображения все

же не это чувство, а нечто совсем другое» (Stebelin-Kamenskij 1971: 72–73).

А. Я. Гуревич тоже считал, что «любовная тема в сагах не самостоятельна», но для него она — «функция самоутверждения героя». Ее несамостоятельность, полагал он, «нисколько не умаляет значимости любовной проблематики в сагах». По его мнению, в «Саге о людях из Лососьей Долины» «значимость любовной темы весьма велика», и хотя «эта тема всплывает только в некоторых местах повествования», она «в очень большой степени движет поступками персонажей». А. Я. Гуревич утверждал, что «для того чтобы оценить любовную тематику саг, ее нужно сравнивать с любовной тематикой рыцарского романа той же эпохи, а не романа нового времени», и что «романическая любовь в сагах изображается совсем иначе, чем в средневековом романе, но от этого она становится только более убедительной» (Gurevich 1979: 136).

Оба исследователя в своих рассуждениях о любви в сагах обращались к материалу «родовых саг» («Саги об Эгиле Скаллаgrimссоне», «Саги о людях со Светлого Озера», «Саги о людях из Лососьей Долины», «Саги о Гуннлауге Змеином Языке», «Саги о Кормаке»). Я решила взглянуть с той же точки зрения на «королевские саги» и выбрала в них самую, пожалуй, известную историю — представленную в нескольких источниках и многократно исследованную саговедами — о том, как норвежский конунг Олав Харальдссон, в дальнейшем Олав Святой (1014–1028; годы жизни: 995–1030), посватался к принцессе Ингигерд, дочери шведского конунга Олава Эйрикссона Шётконунга (995–1022), как получил от отца невесты согласие, а затем внезапный отказ, как принцесса была отдана замуж за «конунга Ярицлейва», Ярослава Владимировича Мудрого (вел. кн. киевск. с 1016 по 1054), как Олав отреагировал на создавшуюся ситуацию и какой выход из нее был найден. Хотелось бы понять, как в этом рассказе изображаются чувства Олава Харальдссона и какую роль этот рассказ играет в структуре саги об Олаве.

Интересующие нас сведения содержатся у немецкого хрониста Адама Бременского в «Деяниях архиепископов гамбургской церкви» (ок. 1070 г.); в норвежских синоптиках конца XII в. — «Истории о древних норвежских королях» Теодорика Монаха и «Обзоре саг о норвежских конунгах»; в двух ранних сагах об Олаве Святом — «Древнейшей саге» (ок. 1200 г.) и «Легендарной саге» (нач. XIII в.); в сводах королевских саг

первой трети XIII в. — «Гнилой коже», «Красивой коже» и «Круге Земном» Снорри Стурлусона; в созданной Снорри раньше «Круга Земного» (но многократно перерабатывавшейся впоследствии) «Отдельной саге об Олаве Святом»; в исландских анналах. Адам в гл. II.39 своей хроники упоминает лишь о браке Ингигерд и Ярослава (Schmeidler 1917: 99). Теодорик Монах и автор «Обзора» утверждают, что Олав женился на Астрид, внебрачной дочери Олава Шётконунга, а до этого был обручен с ее сводной сестрой Ингигерд, но их отец в гневe разорвал эту помолвку и (как уточняется в «Обзоре») отдал ее Ярицлейву (Storm 1880: 29; Vjarni Einarsson 1985: 26). Единственное чувство, которое ясно названо в этих кратких заметках, — это гнев шведского конунга, информацию о чем находим и в более поздних источниках.

Развернутые повествования начинаются с «Легендарной саги». Важное место в них занимает сюжет, связанный с попыткой Олава Харальдссона наладить дипломатические отношения между Норвегией и Швецией. Изгнав из страны хладирских ярлов Хакона и Свейна, Олав Харальдссон стал (в 1014 г. по хронологии «Круга Земного») единоличным правителем Норвегии, аннулировав тем самым раздел Норвегии между Швецией и Данией, произведенный после победы коалиционного войска над норвежским конунгом Олавом Трюггвасоном в битве при Свёлде в 1000 г. Это привело к конфликту между шведским и норвежским конунгами. История о том, как доверенные лица Олава Харальдссона предпринимали сложные попытки заключить мир и, в частности, устроить брак норвежского конунга Олава и Ингигерд, дочери шведского конунга Олава, получила в историографии название «Fridgerðarsaga» («Сага о заключении мира»).

Как рассказывается в «Легендарной саге», в качестве посланцев Олава Харальдссона в Швецию отправились исландский хёвдинг Хьяльти Скеггьясон и человек Олава Бьёрн Окольный. Предложение Ингигерд выйти замуж за Олава Харальдссона не входило в их первоначальные планы. Мысль, как следует из текста саги, приходит к Хьяльти в ходе его бесед с Ингигерд, которой он постоянно восхваляет Олава, но сначала не как жениха, а исключительно с целью убедить ее поговорить с отцом о возможном примирении двух правителей. Хьяльти добился успеха: в своих частных беседах он убедил Ингигерд считать ее брак с Олавом желанным, а затем уговорить согласиться и своего отца. Поскольку Олава Харальдссона также

устроивало это предложение, то договоренность о браке была достигнута во время встречи двух конунгов. Как отметила А. Хайнрикс, «жених и невеста никогда не встречались — о любви тут речи нет», и подчеркнула, что на первом плане определенно находится политика (Heinrichs 1999: 37).

У Снорри Стурлусона в «Круге Земном» брак Олава и Ингигерд тоже предложен исландцем Хьяльти. Разговаривая со шведским конунгом, тот сообщает, что, как он слышал, об этом говорили в Норвегии и в Вестра-Гаутланде, что люди жаждут мира и конунг Норвегии стремится прийти к соглашению с ним. Он также добавляет: «Говорят, что он хотел бы взять в жены твою дочь Ингигерд, а такое сватовство было бы лучшим путем к миру» (Kuzmenko 1980: 209). Чуть далее ярл Рёгнвальд Ульвссон формулирует это еще яснее: «Мы думаем, что нет лучшего способа помирить конунгов, чем сделать их родичами (через брак. — *Т. Д.*)» (Kuzmenko 1980: 217). Действительно, хорошо известен и широко обсуждается в литературе тот факт, что брак в средние века служил средством укрепления политических союзов. Постепенно родство через брак стало в средневековой Скандинавии важнее кровного родства, поскольку его можно было использовать для укрепления союзов, возникавших ввиду определенных политических интересов. Саги показывают, что объединение семей посредством брака означало, что мужчины, представители этих семей, вступали в своеобразный военный союз (Jackson 2019). Так что совсем не удивительно, что эта версия примирения конунгов пришла в голову посланникам норвежского конунга.

Однако неожиданно для Олава Харальдссона всё закончилось тем, что Олав Шётконунг разорвал сделку. Он выдал свою дочь замуж за конунга Ярицлейва, который как раз вовремя посватался за нее. Никаких исторических или политических причин для этого второго сватовства автор саги не предлагает. Но причина замены жениха весьма примечательна: гнев отца невесты, отмеченный уже в «Обзоре» и у Теодорика. Только в сагах его гнев имеет объяснение: Ингигерд, отвечая на его хвастовство после удачной охоты, уязвила его гордость сравнением со своим женихом, сказав, что его добыча ничто по сравнению с тем, как Олав уничтожил одиннадцать мелких конунгов за одно утро. Этот анекдот, фигурирующий во всех источниках (о нем сообщается в «Легендарной саге», «Красивой коже», «Круге Земном» и нескольких редакциях «Отдельной саги»),

скорее всего, восходит к устной традиции, о чем свидетельствует несовпадение деталей в разных его версиях.

В центре внимания автора «Легендарной саги» находятся чувства Олава Харальдссона. Здесь автор нарушает, на мой взгляд, каноны жанра, добавляя к рассказу о внешних проявлениях чувств Олава — конунг отказывается пить, предпочитает одиночество, пренебрегает своими королевскими обязанностями (что могло бы пониматься как свидетельство любовной тоски) — формулировку мыслей и чувств как Олава, так и его людей, о чем автору саги не может быть известно: он утверждает, что Олав воспринял расторжение помолвки как «позор и бесчестье», а также что его воины (и он сам в первую очередь) этим очень огорчены. Сомневаюсь, что воины Олава расстроены его любовной неудачей — скорее, речь идет об оскорблении чести и достоинства их правителя.

На основании сказанного мне трудно согласиться с мнением А. Хайнрикс, которая описывает состояние Олава после заключения брака Ингигерд и Ярослава как *Liebesschmerz*. Любовная болезнь, также называемая *amor hereos* в медицинских описаниях средневековья, тесно связана, по ее утверждению, с понятием «придворной любви». В медицинских сборниках она причислена к психическим заболеваниям и наиболее близка к «меланхолии». Исследовательница уверена, что поведение Олава, как оно описано в саге, указывает не столько на оскорбленное мужское достоинство, сколько на приступ *amor heroes* (Heinrichs 1999: 27, 38). Д. Сэвборг тоже не соглашается с А. Хайнрикс, что состояние Олава в этой ситуации можно назвать любовным недугом, но по совсем иной причине: исследователь считает, что к любовному недугу относятся только те случаи, когда сама страсть порождает тоску и симптомы болезни. Он классифицирует состояние Олава как «любовную скорбь по потерянной невесте» и видит здесь гораздо более универсальное явление, чем любовная болезнь, вызванная самой страстью (Sävborg 2007: 534, n. 195).

Что же позволяет ученым заключить, основываясь на «Легендарной саге», что Олав испытал не что иное, как любовь? По их словам, это его чувство можно увидеть в его поведении, когда к нему приходит Астрид, сводная сестра Ингигерд, незаконнорожденная дочь конунга Швеции. Она трижды навещает Олава, но он не хочет с ней разговаривать. Он молчит, когда она приветствует его и когда она просит его не думать о его горе, и когда она передает ему шелковую рубашку

— подарок Ингигерд. Он, так сказать, приходит в себя только тогда, когда Астрид предлагает ему себя в жены. Олав принимает ее предложение с радостью, и его настроение сразу же улучшается. Д. Сэвборг подчеркивает, что в саге никак не упоминается и не изображается любовь Олава к Ингигерд, но сильная эмоциональная реакция в связи с ее потерей вряд ли может быть истолкована как-либо иначе, чем выражение такой любви. В качестве параллели он приводит случай с Кьяртаном из «Саги о людях из Лососьей Долины», чья тоска по одной женщине также излечивается женитьбой на другой (Sävborg 2007: 164–165). Однако у меня вновь возникают серьезные сомнения. Я чувствую в молчании Олава, его нежелании говорить с кем-либо и проч. уязвленное тщеславие и растоптанную гордость правителя, союз с которым оказался нежелательным для другого государя; посредством же брака с Астрид, заключаемого без ведома отца невесты, он получал, с одной стороны, возможность отплатить шведскому конунгу за нанесенное оскорбление, а с другой стороны, вступить с ним в отношения свойства, что в практическом отношении предполагало взаимовыгодный союз. Так же и А. Хайнрикс оценивает предложение Астрид самой себя в жены Олаву без согласия своего отца как способ «искупления его позора из-за нарушения шведским конунгом своего слова» (Heinrichs 1999: 39).

Надо сказать, что Снорри Стурлусон в «Круге Земном» тоже объясняет продолжительное молчание Олава, как и вообще его состояние после разрыва шведским конунгом помолвки, его гневом, а вовсе не любовными страданиями: «Когда Олав услышал все, что ему велел передать ярл, он страшно разгневался и не мог найти себе покоя. Прошло несколько дней, прежде чем с ним можно было разговаривать». К этому Снорри добавляет, что на встрече со своими войсками Олав пообещал, «что следующим летом будет набирать ополчение по всей стране и выступит против конунга шведов, чтобы отомстить ему за то, что тот нарушил слово» (Kuzmenko 1980: 229, 230).

В «Круге Земном» инициатором брака Олава и Астрид выступил ярл Рёгнвальд Ульвссон, а в «Красивой коже» предложение отдать Астрид Олаву исходило непосредственно от ее отца. Результат был в любом случае выгодным для многих. Незаконнорожденная дочь шведского конунга стала королевой Норвегии, а Олав забыл о своих обидах и вернулся к королевским обязанностям. В 1019 г., согласно исландским анналам,

были заключены оба брака: Ингигерд вышла замуж за русского князя Ярослава Мудрого, а Олав Харальдссон женился на ее сводной сестре Астрид, дочери шведского конунга Олава и его наложницы Эдлы.

Что касается упомянутой мною выше «любобной истории», то источником формирования в древнескандинавской литературе темы любви между Олавом и Ингигерд, на которую как бы намекает автор «Легендарной саги» и которая совершенно явно озвучена, например, конунгом Ярицлейвом в «Гнилой коже», можно считать одну (или две) из девяти скальдических строф (*Lausavisur*), сочиненных самим конунгом Олавом Харальдссоном (№№ 8 и 9 в издании: Poole 2012: 527–528). Строфы датируются 1029 годом, когда Олав укрывался от своих противников на Руси, при дворе князя Ярослава Мудрого. Пересмотрев свое прежнее мнение, я склонна думать, что строфа Олава о женщине, у которой имеется «земля в Гардах», — даже если она и посвящена Ингигерд — не является отражением длившейся долее десятилетия любви Олава к Ингигерд. Я полагаю, что на Руси, впервые в жизни встретившись с Ингигерд, Олав мог сочинять строфы, обращенные к своей бывшей невесте, и делать это, например, в качестве увеселения на пиру. Такие развлечения не редкость в описаниях саг (яркий пример находим в «Саге об Эгиле Скаллагримссоне»). Сочиняя в банкетном зале, Олав вполне мог преподнести свои отношения с гостеприимной хозяйкой и сестрой своей жены в форме скальдического мансёнга (Matyushina 1994), тем более что тема потери любимой женщины была излюбленной у ранних исландских скальдов, когда они сочиняли о любви, и описанное не обязательно должно было точно соответствовать реальным фактам (Poole 1985: 130). Устная традиция сохранила эти строфы, сочиненные Олавом Святым, и более поздние составители саг распоряжались ими по своему усмотрению (Jackson, in print).

Итак, в целом ряде древнескандинавских источников — чаще устами других персонажей, но где-то и в авторском комментарии — утверждается существование любви между норвежским конунгом Олавом Харальдссоном и шведской принцессой Ингигерд, ставшей женой русского князя. Однако совершенно очевидно, что там, где источники описывают сватовство Олава к Ингигерд и реакцию Олава на разрыв отцом невесты помолвки, речь идет не о проявлениях любви, а об уязвленной гордости (и не столько мужской, сколько королевской). Вопрос о том, какую роль этот рассказ играет в

структуре саги об Олаве Святом, трактуется в историографии по-разному. Л. Лённрот читает эту часть саги так, что Олав «был глубоко унижен и подавлен», а всю «Сагу о заключении мира» в изложении «Легендарной саги» он воспринимает как «полумифическое нравоучение о гордыне, смирении и компенсации» (Lönnroth 1976: 18). А. Хайнрикс понимает мораль «Легендарной саги» так, что будущий святой не нуждается в своем прошлом ни в какой любви, а потому автор саги демонстрирует, что Олав как добрый христианин преодолевает свою *amor hereos* (Heinrichs 1999: 44). На мой взгляд, автор «Легендарной саги», излагая переданную ему традицией «любовную историю», говорит в первую очередь о чести и достоинстве правителя. В саге эта история занимает свое место не ради того, чтобы изобразить любовные переживания конунга Олава, а чтобы отразить целый ряд исторических событий, но также дать автору саги возможность выразить свои взгляды.

Источники и литература

- Bjarni Einarsson 1985: *Ágrip af Nóregskonunga sögum*. Ed. by Bjarni Einarsson (Íslenzk fornrit; 29). Reykjavík: Hið íslenska fornritafélag.
- Gurevich, A. Ya. 1979. *Edda i saga*. Moscow: Nauka.
Гуревич А. Я. 1979. *Эдда и сага*. М.: Наука.
- Heinrichs, A. 1999: Wenn ein König liebeskrank wird: Der Fall Óláfr Haraldsson. In *Die Aktualität der Saga: Festschrift für Hans Schottmann*. Ed. by S. T. Andersen, 27–51 (Ergänzungsbände zum Reallexikon der Germanischen Altertumskunde; 21). Berlin, New York: de Gruyter.
- Jackson, T. N. 2019: Marriages and political alliances in medieval Scandinavia in the light of Old Norse-Icelandic sources. In *The North, the East and West meet. Festschrift for Jens Petter Nielsen*. Ed. by K. A. Myklebost and S. Bones, 153–162. Tromsø: Orkana Akademisk.
- Jackson, T. N. (in print): ‘They Loved Each Other with Secret Love’: Old Norse Sources on Relations between Ingigerðr, the Wife of the Russian Prince Yaroslav the Wise, and the Norwegian King Óláfr Haraldsson. In *Love and Emotions in Old Norse Literature*. Ed. by D. Sävborg and Brynja Þorgeirsdóttir. Turnhout: Brepols.
- Kuzmenko, Yu. K. 1980: Saga ob Olave Svjatom. Tr. by Yu. K. Kuzmenko. In: *Snorri Sturluson. Krug Zemnoj [Heimskringla]*. Ed. by A. Ya. Gurevich, Yu. K. Kuzmenko, O. A. Smirnitkaia and M. I. Steblin-Kamenskij. Moscow: Nauka.

- Кузьменко, Ю. К. 1980: Сага об Олаве Святом. Пер. Ю. К. Кузьменко. В кн.: Снорри Стурлусон. Круг Земной. Изд. подг. А. Я. Гуревич, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкая и М. И. Стеблин-Каменский. М.: Наука.
- Lönroth, L. 1976: Ideology and Structure in *Heimskringla*, *Parergon*. 15, 16–29.
- Matyushina, I. G. 1994 : *Magiya slova. Skaldicheskiye khulitel'nyye stikhi i lyubovnaya poeziya*. (Istoricheskaya poetika ; 8). Moscow, RGGU.
- Матюшина И. Г. 1994: Магия слова. Скальдические хулительные стихи и любовная поэзия (Историческая поэтика 8). М.: РГГУ.
- Poole, R. 1985: Some Royal Love-Verses, *Maal og Minne*, 1985, 115–131.
- Poole, R. 2012: Óláfr inn helgi Haraldsson, *Lausavisur*. Ed. by R. Poole. In *Poetry from the Kings' Sagas 1: From Mythical Times to c. 1035. Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages 1*. Ed. by D. Whaley, 516–528. Brepols, Turnhout.
- Sävborg, D. 2007 : *Sagan om kärleken: Erotik, känslor och berättarkonst i norrön litteratur* (Acta Universitatis Upsaliensis, Historia Litterarum, 27). Uppsala: Uppsala universitet.
- Schmeidler, B. 1917: *Magistri Adam Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum*. Ed. by B. Schmeidler. 3rd ed. (Scriptores Rerum Germanicarum in usum scholarum ex Monumentis Germaniae Historicis separatim editi [2].) Hannover and Leipzig: Hahnsche Buchhandlung.
- Steblin-Kamenskij, M. I. 1971. *Mir sagi*. Leningrad: Nauka.
- Стеблин-Каменский, М. И. 1971: *Мир сагу*. Л.: Наука.
- Storm, G. 1880: Theodrici monachi Historia de antiquitate regum Norwagiensium. In *Monumenta historica Norvegiæ. Latinske kildeskrifter til Norges historie i middelalderen*. Ed. by G. Storm, 1–68. Kristiania: Brøgger.